

Книги Алексея Пехова
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

**ПОД ЗНАКОМ МАНТИКОРЫ
ТЁМНЫЙ ОХОТНИК
ПЕРЕСМЕШНИК
ЛОВЦЫ УДАЧИ**

Цикл
«ХРОНИКИ СИАЛЫ»
**КРАДУЩИЙСЯ В ТЕНИ
ДЖАНГА С ТЕНЯМИ
ВЬЮГА ТЕНЕЙ**

Цикл «ВЕТЕР И ИСКРЫ»
**ИСКАТЕЛИ ВЕТРА
ВЕТЕР ПОЛЫНИ
ЖНЕЦЫ ВЕТРА
ИСКРА И ВЕТЕР**

Цикл «СТРАЖ»
**СТРАЖ
АУТОДАФЕ
ЗОЛОТЫЕ КОСТРЫ
ПРОКЛЯТЫЙ ГОРН**

Цикл «СИНЕЕ ПЛАМЯ»
**ЛЕТОС
СИНЕЕ ПЛАМЯ
ТАЛОРИС
БЕЛЫЙ ОГОНЬ**

Цикл «СОЗЕРЦАТЕЛЬ»
**СОЗЕРЦАТЕЛЬ
ТЕНЬ ИНГЕНИУМА**

В соавторстве с Еленой Бычковой
и Натальей Турчаниновой

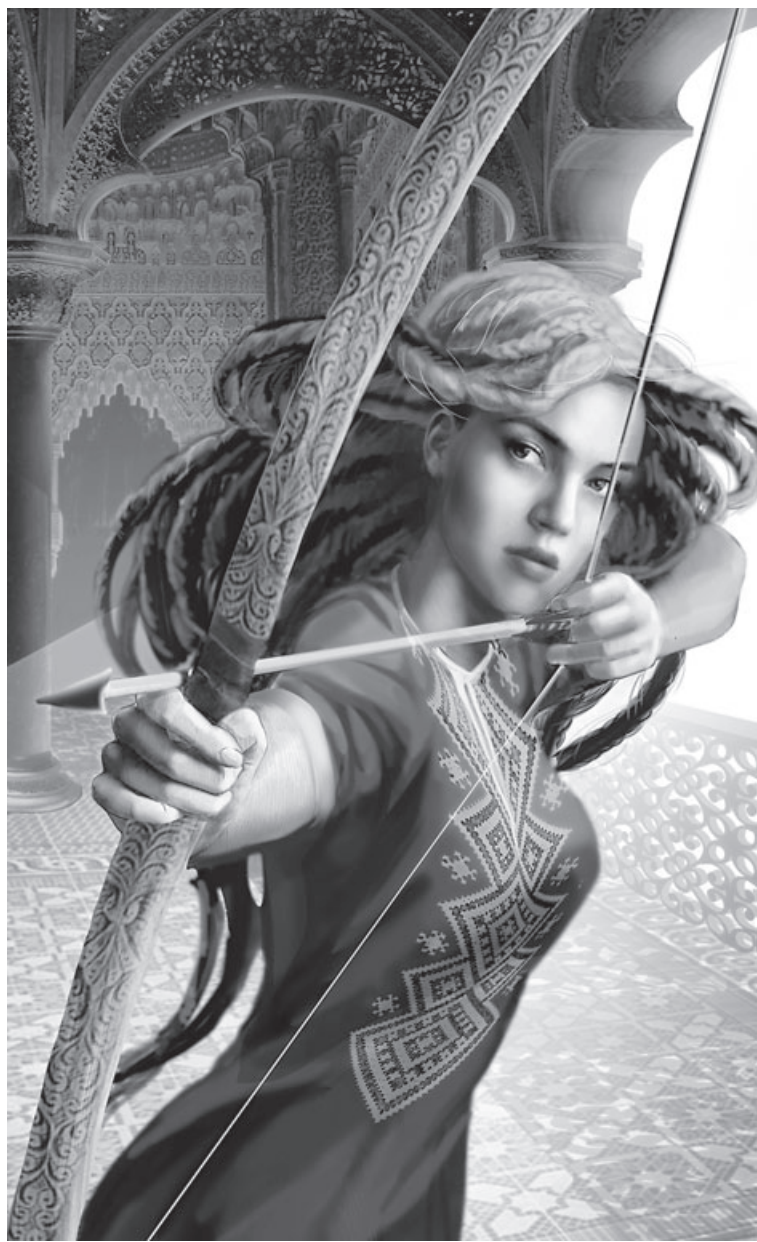
ШАНС

Цикл «ЗАКЛИНАТЕЛИ»
**ЗАКЛИНАТЕЛИ
ЛОВУШКА ДЛЯ ДУХА**

Цикл «КИНДРЭТ»
**КИНДРЭТ. КРОВНЫЕ БРАТЯ
КОЛДУН ИЗ КЛАНА СМЕРТИ
ОСНОВАТЕЛЬ
НОВЫЕ БОГИ**

Цикл «МАСТЕР СНОВ»
**МАСТЕР СНОВ
СОЗДАТЕЛЬ КОШМАРОВ
ЭРИНЕРЫ ГИПНОСА**

В соавторстве с Андреем Егоровым
ПОСЛЕДНИЙ ЗАВЕТ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АЛЕКСЕЙ ПЕХОВ

БЕЛЫЙ
ОГОНЬ

РОМАН

Москва, 2020
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
П23

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1236

Рисунок на переплете
В. Бондаря

Иллюстрации
Д. Бондаря

Пехов А. Ю.
П23 Белый огонь: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020. — 346 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-3153-3

Магия, давно забытая, пробуждается. Все, что считалось истиной сотнями лет, покрывается трещинами. Время Шестерых давно прошло, но остались те, кто помнит ту эпоху. И теперь Шерон из Нимада, указывающей, ставшей некромантом, придется использовать белый огонь, чтобы противостоять тьме.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Пехов А. Ю., Бычкова Е. А., 2020
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020

ISBN 978-5-9922-3153-3

Глава первая ЛИСИЙ ХВОСТ И...

Тени зыбки. Тени осторожны.

Тени ждут. Тени служат. Тени исполняют приказы. Тени карают. Тени жестоки. Тени — их сила и наша слабость. Мы склоняем головы перед ними и молим о милосердии. Ибо тени — это смерть, которая приходит незаметно.

Из старых легенд Торгового Союза

Пелл, которого в Пубире знали как Пятнистого, мрачно грыз палочки сухого острого мяса, поглядывая из окна на серое море, спокойное и гладкое, похожее на сталь. Оно и есть сталь, если подумать. Появись у Пелла желание сделать шаг в проем, и когда он долетит до воды, разобьется в лепешку — слишком высоко.

Внизу медленно проплывали торговые лодки. Ветра почти не было, и перегруженные корыта ползли с неспешностью умирающей черепахи. Они огибали здания прошлой эпохи, выраставшие прямо из залива: Паука, Хлебный рынок, Семнадцать маяков и конечно же Перст, сердце Ночного клана, довлеющий над всей портовой частью древней столицы Единого королевства.

Вид бесспорно завораживающий, особенно если находиться на верхних этажах. Но сейчас Пелл с удовольствием бы променял вынужденную обзорную площадку на стол возле одного из вонючих городских каналов, кувшин белого пива и котелок раковой похлебки.

Он раздраженно потер щеки, покрытые бледно-голубыми пятнами. Раньше на лице красовалась татуировка каторжника, полученная за разбой на западных трактах Савьята, сейчас худо-бедно сведенная. Почти два года он горбатился, добывая серебро в шахтах Гиблого пояса. Кроме татуировки в награду за свои преступления бандит получил цепи на ноги, ночные

колодки и жестокий бич надсмотрщика. Не самая сладкая жизнь, и Пелл обязательно издох бы там, если бы Ночной Клан его не вытащил.

— Дурной сегодня день.

Пелл скосил глаза, на мгновение перестав жевать и задумываясь над словами приятеля. Клот — такой же плечистый громила с перебитым носом, как и он сам, но с рисунком на лице, которым гордился, — апатично развалился на подоконнике, подбрасывая на грязной ладони монету. Старую марку со сточенным краем, таким острым, что ею можно орудовать, точно бритвой. Пускай золото и мягкий металл, но Пелл знал много тех, кому Клот изуродовал лица этой штукой.

Люди опасаются кинжалов и мечей, но совершенно беспечно относятся к безделушкам, которые в опытных руках могут превратиться в самую смерть.

— С чего дурной? — сунув очередной кусок мяса за щеку, не слишком четко произнес Пятнистый. — Шестеро тебе напели?

Бородач пожал плечами.

— Сон приснился. Будто бы я как баран.

— Баран?!

— Ну... будто бы, — неуверенно протянул Клот. — И меня того...

Возникла пауза.

— Зарезали, что ли? — не выдержал Пелл через долгую минуту, не дождавшись ответа.

— Не... Спалили. Вроде. Как.

Пятнистый вздохнул:

— Завязывал бы ты с мутской пылью. Не доведет тебя эта дрянь до добра. То ты час стеклянными глазами смотришь в стенку, то орешь по утрам так, что всех баб в борделе пугаешь, то теперь эти твои сны.

— Да не... просто дурной день.

Спорить с Клотом бесполезно. Особенно когда после порошка, поутру, он ведет себя точно деревенский дурачок.

Золотая марка подлетела, сделала несколько оборотов, сверкнула на мгновение в солнечном луче, слепя левый глаз, плашмя упала на ладонь. Пелл старался не смотреть на нее — она слишком притягивала взгляд блеском, а золото, чего уж скрывать, бывший каторжник любил. Деньги у него не задер-

живались, он без сожаления спускал их на выпивку, еду, шлюх и красивые вещи.

— Старый кретин что-то слишком нас маринует, — внезапно сказал Клот. — Я сильно удивился, что он выбрался из логова, где трясся над своей задницей. Говорили, он давно сдох и за него правят Золотые.

— Он убьет тебя за такие слова, — предупредил Пятнистый.

— Не... Я баран. Меня спалят.

Пеллу захотелось от души вмазать прямо по роже напарника, так, чтобы костяшки на кулаке закровили, но он сдержался. Толку никакого, а проблем возникнет выше крыши. Клот не из тех, кто не даст сдачи, и дело мгновенно дойдет до ножей, с плачевным результатом для одного из них.

— Шаутт дери такую девку. — Пелл явственно различил в голосе Клота похоть. — Когда-нибудь я прижму ее в тесном углу.

Это заявление прозвучало настолько внезапно, что Пятнистый вообще не понял, о чем сейчас идет речь.

— Ты о ком?

— О бабе в синем платье. Шарлотта.

— При-е-ха-ли. Слушай, есть куда более легкий способ умереть. Мой знакомый торговец из Билгама может продать тебе алую тихоню. Засунешь паука себе в штаны и отделаешься меньшими мучениями.

— Ерунда.

Пятнистый щелкнул пальцами перед носом приятеля:

— Приди в себя. Шарлотта сойка. Как Шрев. Как Лавиани, та, что убила детей Борга. Помнишь ее глаза? Она сгубила на севере несколько десятков человек, которых отправили за ней в погоню. А может, и Шрева с его командой. От них ни слуху ни духу уже больше года, как говорят. Шарлотта и другие, кого мы иногда видим в Персте. Сойка. Сой-ка. Это не податливая девка из кварталов Слоновых Бивней, что ломается лишь для виду. Не шлюхи с поддельными татуировками, развлекающие заезжих моряков, которые потом хвалятся, что их ублажила одна из убийц Ночного Клана. Она настоящая и выпотрошит тебя, точно скотину, а из твоей кожи сошьет себе новую красивую юбку.

Клот сунул монету в карман:

— Она на меня запала, друг, вот увидишь. Все время делает намеки, подмигивает, улыбается, прижимается. Будет моей, клянусь Шестерыми.

Пелл сокрушенно покачал головой. Напарник порой выдавал желаемое за действительное. Буквально на прошлой неделе Клот уверял, что выиграл гору марок на собачьих боях и устроил конфликт с лавами, контролировавшими ставки. Убил двоих, прежде чем понял, что ему почудилось.

Даже пытался извиняться с глупой рожей.

Проклятый порошок жестоко шутит с тем, кто подсаживается на него.

— Походу ты даже не подозреваешь, что тебя ждет.

— Подозреваю. Блаженство. Ага. Ага.

— Блаженство, шаутт тебя задери! Я буду молить Шестерых оказаться в этот момент как можно дальше от тебя. Чего мне только не хватает, так это взбешенной сойки.

— Ты вечно нервничаешь по ерунде, Пятнистый.

Ерунда — это слабый дождик ночью, когда спишь под крышей. Отсутствие плаща на меху в середине жаркого лета. Или даже пропущенный завтрак во время сытного обеда. Озверевшая сойка — это не ерунда. Подобные вещи Пелл считал очень большой проблемой. А что он понял за жизнь — от любых проблем стоит держаться как можно дальше, иначе они утянут тебя за собой в могилу.

— Предупреди меня, — попросил Пятнистый.

— А? — Клоту не понравилось пятно на штанине, и он ковырял его ногтем, пытаясь счистить.

— Предупреди, когда сунешь нос в любимый порошок и решишься цапануть ее за зад. Я постараюсь успеть убежать на другой край Пубира.

В ответ раздалось ржание, словно Пелл отпустил лучшую шутку за год, хотя он совсем не шутил.

Где-то в нутре Перста ударили в огромный гонг, и нарастающий гул пронесся по пустынным коридорам, надавил на уши мягкими ладонями и выскочил в окно. Оба каторжника не стовариваясь встали, подхватили прислоненные к стене тяжелые арбалеты, а Клот взял еще и мешок, лежавший под лавкой. Под тем успело расползтись небольшое темное пятно.

Пройдя несколько залов, залитых солнечным светом, они остановились возле дверей, которые как раз открывались и из

помещения выходили люди в объемных бесформенных мантиях и масках быков, свиней и козлов. Оба подручных Борга посторонились, пропуская их, опустили глаза.

Золотые. Сердца Ночного Клана. Люди, обладавшие властью. Деньгами. Влиянием, которое Пеллу и не снилось. Иногда он мечтал достичь такого же положения.

Никто (кроме Борга и некоторых соек) не знал, кто они. Благородные? Мастеровые? Трактирщики? Солдаты? Моряки? Мужчины? Женщины?

Скоро они спустятся вниз, сядут в ожидающие их закрытые лодки и уплывут к Хлебному рынку. Там, среди складов, подвалов и древних переходов, они сбросят мантии и снимут маски, смешаются с толпой, станут прежними. Такими, какими их знают другие люди.

И уже к вечеру кто-нибудь из них нальет тебе в таверне пива, проедет мимо на лошади или наорет на стражников, щеголяя новой капитанской кирасой. Пубир — город возможностей. В том числе и для тех, кто связал свою судьбу с Ночным Кланом. И здесь никогда нельзя ошибаться, задирая «нищего», который внезапно может приказать таким, как Пелл и Клот, принести на блюде голову своего обидчика.

Когда Золотые ушли, охрана забрала у мордovorотов арбалеты и ножи. Затем появился унылый тип с тоненькими усиками и жидкой бородачкой, поманив каторжников за собой. Шел он, чуть припадая на левую ногу, напоминая раненую птицу, и Пеллу оставалось только гадать, с чего Борг столько лет держит при себе этого дохляка, разрешая подтирать собственную задницу?

Какой толк от парня, имени которого никто не мог запомнить?

Зал, в который их привели, выглядел неуютно, в грязно-зеленых тонах, под самым потолком узкие окошки. Свет проникал сюда, проходил сквозь линзы, отражался от зеркал, и создавалось впечатление, что архитектор прошлой эпохи разместил свое творение на дне морском. Эффект усиливали статуи огромных мраморных уин, пытавшихся вырваться из стен, дотянуться перепончатыми руками до проходящих мимо людей.

Пелл всегда чувствовал себя неуютно в этом месте. Его дальние предки покинули Летос, но до сих пор уины в семье считались существами темными, злыми и опасными. Их изобра-

жения (не говоря уже о скульптурах) не приветствовались разумными людьми. Ни к чему привлекать внимание детей асторэ, особенно когда кто-то из твоих близких выходит в море.

Борга они не видели больше года, со времен мрачных событий, о которых не принято рассуждать вслух. Но находились те, кто болтал — именно поэтому Пелл знал, что Лавиани сбесилась, перебила до фи́га народу и свалила незнамо куда. С того дня глава Ночного Клана сделал все, чтобы сберечь свою жизнь: устроил за предательницей настоящую охоту, отправив сотни людей, а также несколько соек во главе со Шревом. А сам залег на дно, спрятался в какой-то надежной берлоге.

Говорили, что каждую ночь Борг проводит в новом убежище, что плачет от страха и вздрагивает от каждого шороха. Но Пелл очень сомневался в подобных рассказах. Борг не из трусливых. Ведь трусость и разумная предосторожность — вещи довольно разные. Как бы то ни было, теперь он вернулся в Перст.

Недоброжелатели часто называли Борга недомерком, толстяком, карликом, старой развалиной, но правда заключалась в том, что эти прозвища ему не соответствовали. Он был высок и удивительно крепок для своих семи десятков. В его узловатых руках с большими широкими ладонями до сих пор хватало силы, чтобы ломать кости.

И все же Пелл заметил, что Борг сдал за то время, что он его не видел. Крупное лошадиное лицо осунулось, волос на голове поубавилось, и он стал совершенно по-стариковски двигать челюстью, словно жевал еду.

Борг макал остро отточенное перо в тяжелую серебряную чернильницу, что-то быстро вписывая мелким убористым почерком в толстую книгу с ярко-красным кожаным переплетом. Пелл не умел читать и писать, но любил рассматривать буквы, особенно в тот момент, когда кто-то их создавал, и, не удержавшись, посмотрел на красивые темные завитушки, высыхающие на бледно-желтой бумаге.

Может быть, Борг и сдал, но взгляд у него оставался таким же пронзительным, как и прежде, и Пелл тут же проклял себя за излишнее любопытство.

— Что, Пятнистый? Внезапно познал грамоту? — Голос у Борга был глубокий и гулкий, обладавший словно бы волшеб-

ной силой, прижимавшей к земле любого, кто попадал под его власть. И Пелл не являлся исключением. Он не боялся большинства живущих в Пубире, но Борга опасался куда сильнее, чем соек.

— Нет, хозяин. Простите. Просто... красиво получается.

— Красиво... — задумчиво протянул Борг и посмотрел на личного слугу.

Хромой тут же ответил, угадав вопрос:

— Он не выучился читать. Ручаюсь.

Борг подул на страницу, не спуская глаз с каторжника, затем резким движением закрыл книгу. Пятнистый вздрогнул.

— Хорошо. Не люблю, знаешь ли, когда заглядывают в мои бумаги.

— Хозяин, я... — попытался оправдаться тот, но его остановили:

— Хватит! К делу. Как прошло?

Клот приподнял мешок:

— Господин Ру сильно извиняется.

— Неужели? — Борга ничуть не впечатлили извинения.

Обычное дело. Перед ним все извинялись, затем падали на колени, прося прощения. Не всем это помогало, но Ру как раз из тех счастливиц, кого не приканчивают без нужды, даже в назидание остальным. В конце концов, он был курицей, что несет золотые яйца, а резать подобных куриц могут себе позволить исключительно сумасшедшие. — И как решил выкрутиться этот прохвост?

— Мол, очень много выпил и не ведал, что творил. Плакал. Заламывал руки. Говорил, Вэйрэн его попутал. Я сперва...

— Мы сделали так, как вы велели, хозяин, — встрял Пелл, опасаясь, что Клот разоткровенничается и, не дай Шестеро, заявит, что едва не убил господина Ру, несмотря на приказ его не трогать. Пятнистому пришлось буквально вырывать из рук приятеля почти придушенного торговца. — Донесли до него ваше неудовольствие. Он сказал, что сторонники асторэ его запугали, смутили, окружили и он сам не помнит, почему решил предоставить им убежище и спрятать от стражников.

— Вы разобрались с ними?

Клот шмыгнул носом.

— Говорят, Вэйрэн наделяет их своей силой. Волшебством. Что они могут становиться невидимыми. Когда мы пришли, они исчезли.

— Надо полагать, растворились в воздухе, пока вы торчали у дверей да стращали Ру, идиоты.

— Их поймали к утру, хозяин. Люди кварталов услышали вашу просьбу. С беглецами всё решили...

— Хорошо, Пятнистый. Но в Пубире есть и другие.

— Их ищут, хозяин. Ру очень помог в описании тех, кто приходил к нему на прошлой неделе. Все они даворцы.

— Эта зараза распространяется слишком стремительно, — проворчал старик, раздраженно хлопнув широкой, точно лопата, ладонью по столешнице. — А я не потерплю в городе, что отдал себя в наши руки, иной веры, кроме веры в Шестерых. Чем Ру решил заглазить свою вину?

Клот передал мешок помощнику главы Ночного Клана, тот развязал веревку, заглянул и сообщил с некоторым удивлением в голосе:

— Мясной гриб, хозяин.

Огромные грибы, больше похожие на шматки окровавленной плоти, собирали на самом юге Соланки. Они были довольно редки, быстро портились, и приготовить этот деликатес мог далеко не каждый. Малейшая ошибка — и кухня на долгие недели начинала смердеть, точно в ней разместили пяток утопленников, которые вдосталь пролежали на дне Барабанного канала. Но если все сделать правильно — мясной гриб становился желанным блюдом на столе у любого богатея, разумеется, если тот умел его достать и имелся повар, способный создать из этого отталкивающего нечто отменный деликатес.

Борг обожал такое блюдо, и Ру очень вовремя преподнес продукт, который стоил целую кучу золотых марок.

— Так просто он не отделается. — Несмотря на слова, старик выглядел довольным. — Но он ведь понимает, что этого мало, чтобы я забыл о его глупости?

— Просил передать на словах, хозяин, — промолвил Пелл. — В квартале Каштановой Росы, в особняке, что окнами выходит на Восемь балконов королей, поклоняются Вэйрэну и говорят, что Шестеро недолго пребудут в храмах. Этот дом принадлежит...

— Я знаю, чей он! — хмуро ответил Борг, сцепив пальцы.

Между бровей у него пролегла глубокая складка, думал глава Ночного Клана никуда не спеша, затем налил себе вина из пузатого графина, темно-зеленого и, как видно, тяжелого. Выпил, наконец приняв решение:

— Отправляйтесь к причалу Матерей и ждите.

Клот было открыл рот, чтобы поинтересоваться «чего ждать?», но Пелл, зная, как Борг не любит вопросы, на которые не собирается отвечать, опередил товарища, сказав:

— Сделаем в лучшем виде, хозяин.

Их отпустили легким кивком, и Пятнистый поспешил из неуютного зала, молясь Шестерым, чтобы напарник последовал за ним.

Они в молчании покинули помещение, забрали у охраны свое оружие.

— Какого шаутта? — внезапно пробурчал Клот, когда Пятнистый уже начал думать, что тот позабыл все слова. — Я надеялся, что могу наконец-то заняться своими делами.

— У нас нет своих дел. Только дела Борга. Он за это нам и платит. Хочешь снова заниматься грабежом на лесных тропках? Довольно паршивое занятие.

— Паршивее, чем залезть в дом, принадлежащий Гвинту? Он же проклят!

— Волшебник мертв уже тысячу лет, — напомнил Пелл, хотя в затылок словно холодом поддуло. Он подозревал, что эта история выйдет им боком.

— Поди разбери этих волшебников. Может, и мертв. А может, и нет. Они же не люди. Такие же гнусные твари, как шаутты или асторэ, вновь вернувшиеся в наш мир. А даже если мертв — дом-то нет. Сам знаешь, какие слухи о нем ходят в Пубире. Ведь Борг же не отправит нас туда?

Отправит. Если сочтет нужным. И хрен они возразят, коли не желают кормить рыб.

— Поглядим, что он придумает.

— Хозяин — соображает, — с уважением крикнул Клот и всю дорогу вниз, спускаясь сотнями ступеней, беспечно насвистывал, быстро выкинув проблему из головы. По мнению Пелла — слишком уж быстро.

Причал Матерей — самый южный из сорока семи причалов Хлебного рынка, смердел пролитым дегтем. Он был цвета за-

пекшейся крови, выщербленным, с острыми гранями, режущими босые ноги. С завалившейся галереей и статуями, изгаженными чайками, с полузатопленными лестницами, уходящими вниз, скрывающимися в мутной воде, на поверхности которой плавало много мусора, сброшенного с швартующихся торговых лодок. От нее явственно несло гнилым луком и нечистотами.

Пелл терпеть не мог сюда приходить, дышать тяжелой вонью, пачкать ботинки в грязи, чаячем помете, оскальзываться на гнилых овощах, а после, вернувшись в снимаемые комнаты, оплачивать прачку, ванну и мыться, чтобы хоть как-то избавиться от запаха помойки, в которую жители Пубира превратили некогда прекрасную постройку.

Большую часть дня на причале было относительно пусто. Многолюдная толкотня случалась лишь рано утром, когда торговцы Осеннего Рога, самого дальнего прибрежного района, привозили сюда свой товар.

Теперь же здесь оказались лишь пара пьянчуг-грузчиков, уже вдрызг нажравшихся дешевого пойла, которое некоторые осмеливались именовать вином, да несколько босоногих мальчишек, плевать хотевших на грязь и удивших морских собак — маленьких шипастых полосатых рыбешек, прожорливых, точно оголодавшие львы.

Клот, выгнав из-под навеса, сооруженного из полосатой ткани, местного сторожа и без колебаний растянувшись на несвежем матрасе, заснул. Пелл, с завистью посмотрев на товарища — с блохами он соседствовать не желал, — маялся следующие два часа, слушал плеск волн и ходил из угла в угол, точно запертый в клетке зверь.

Когда солнце пошло на убыль, а тени окрепли, из-за острого крыла Хлебного рынка показалась узкая, лакированная восьмивесельная лодка. Она двигалась легко и стремительно, разрезая воду, как дельфиний плавник. Весла поднимались, словно в такт ударам чьего-то сердца. Споро, профессионально, безупречно.

Пелл, выругавшись от облегчения, что наконец-то о них вспомнили, несильно пнул Клота ногой в бедро. Тот резко всхрапнул, распахнул глаза, одновременно хватаясь за висевший на поясе нож, узнал приятеля и протяжно зевнул, скребя спину:

— Шаутт дери... Что так чешется?

— Блохи в старой соломе. Или клопы передают тебе привет, — безжалостно ответил ему Пятнистый. — Шевелись давай. За нами приехали.

Лодка скользнула мимо пирса, и оба громилы, не дожидаясь остановки, спрыгнули на корму, усевшись на лавку, между молчаливых мускулистых гребцов. Они знали порядок, так что ни о чем не спрашивали. Их привезут на место, там все и выяснится.

Пока пересекали огромную гавань, в прошлом бывшую жилищами кварталами Пубира, Клот вновь задремал, а потом и вовсе захрапел. Пелл же мрачно смотрел, как на кораблях суетятся торговцы, а Пубир, словно неспешный старик, закутывается в длинный плащ, сотканный из тяжелых, острых теней. Они настигали уходящий закатный свет, резали его на части, рассекали и гнали по колоссальной воронке, в которой некогда выстроили город. Прыгали по каскадам кварталов, подминали башни, скрывали балконы и поглощали древние укрепления.

Тени на несколько долгих минут стали главными властителями легендарного города. Но они шарахнулись в стороны и отступили, когда на улицах начали пробуждаться звезды.

Пелл знал их всех.

Одна большая, похожая на желтый бриллиант, пульсировавшая над землей, точно сердце гиганта. Тигриный глаз — самый яркий маяк обитаемого мира, который некогда создала ученица Скованного, Арила Эрсте из Шаруда. Старые моряки, которые давно уже не смеют выходить в море, любят болтать, что возлюбленная Тиона выстроила подобное и в других частях света. То ли семь. То ли двадцать. И что ей помогал Войс, сплетая свой ветер с ее пламенем. Но до нынешних времен дожил лишь один из многих — пубирский маяк.

Остальные огни бывшей столицы Единого королевства существовали задолго до последних великих волшебников. После Катаклизма магия стала слабеть, они гасли один за одним, словно слабое пламя свечей на ураганном ветру, и исчезли почти все. Осталось лишь несколько, явно хранимые Шестерыми, чтобы люди знали, что потеряли в веках.

Тепло-оранжевые, трепетные, они пробуждались на ребристых стелах, стоило лишь солнцу скрыться за горным кряжем, и гасли, когда первые бледно-розовые лучи тянулись из моря.

Четыре сияли в порту.

Девять — дорогим ожерельем протянулись вдоль канала Герцогов.

Три, видимых издали, как и маяк, располагались там, где когда-то находился королевский дворец.

Один — на стене старой заброшенной крепости, в которой обитали лишь дикие мартышки.

Два — в море, откуда выростал Паук. Они двумя тусклыми, едва различимыми пятнами пробивались сквозь толщу воды.

И еще семь, с моря не заметные, прятал за каменными телами домов разросшийся город, но Пятнистый прекрасно помнил, где они находятся. В самых нищих кварталах, в лабиринте тесных вонючих переулков, под нависающими балконами, переходами и спусками в подземные улицы.

Лодка пересекла гавань и, проигнорировав порт, двинулась на юг, вдоль каменистой набережной, к аркам, торчащим из воды, словно китовые ребра. На них были закреплены фонари, чтобы с берега сразу видели, кто приближается.

Квартал Каштановой Росы уже многие века считался городом в городе, где селились самые богатые торговцы: короли шелков, пряностей, специй и древних диковин. Овцы, которых нежно и заботливо стриг Ночной Клан, дабы набивать свои подвалы золотыми марками и пускать деньги в оборот, ссужая их благородным, даря подарки генералам и оплачивая тысячи глаз, ушей да языков, что верно служили истинным правителям Пубира.

Овец берегли. Овец охраняли. И не допускали к их жилью и семьям тех, кто мог причинить им мало-мальское беспокойство. Обычным горожанам вход в квартал Каштановой Росы был заказан. Охранники, патрулирующие улицы, не отличались вежливыми манерами и были довольно суровы к чужакам. И Пелл подумал: как поклонники Вэйрэна проникли сюда? Кто позволил?

Впрочем, не его ума дело. Пусть отступников среди жителей ищет Борг.

Чужакам, может, вход и был запрещен, но не Ночному Клану. Узнав лодку, стража подняла решетку, пропуская их внутрь.

Пятнистый привычно толкнул Клота:

— Проснись.

Тот похлопал глазами, огляделся и сказал невпопад:

— Так ведь ночь же. — Подумал и, отойдя от сна, буркнул: — А, шаутт... Точно. Мы же куда-топлыли. Куда мыплыли-то?

Пелл вздохнул, гадая, за что Шестеро его так наказывают. Но, по счастью, отвечать не пришлось. Появилась маленькая пристань, где на пустых бочках сидели трое крепких мужиков в старых кирасах.

Клот вылез первым, зевая и не думая подвинуться, чтобы дать дорогу Пятнистому. Пришлось оттеснить его плечом.

— Наверх, — сказал один из стражников, даже не поднявшись. — Это ваше.

Кивнул на сверток. Клот поднял его, развернул грязную тряпку, достал короткие мечи. Выглядели они не очень, особенно ножны — все потертые и старые. Громила обнажил оружие, придирчиво изучил узкий клинок, попробовал пальцем режущую кромку.

— Ничего так. — Один кинул напарнику, второй начал крепить к своему поясу, рядом с ножом.

Лодка ушла, а бандиты поднялись по лесенке на улицу, которую освещала единственная жаровня с чадящим маслом. От темной стены отделилась тень, остановилась на границе света.

Высокая женщина лет тридцати пяти, статная шатенка с волосами, собранными в две косы, улитками уложенные на голове. Было непривычно видеть ее в светло-серой рубашке с широкими рукавами и коротких штанах точно такого же цвета, да еще и босой.

Чаще всего она щеголяла в платьях с глубоким вырезом и обожала лазоревые кружевные юбки, с разрезами до бедер, по новой моде Соланки. Женщина обращала на себя много мужских взглядов.

Особенно разрезы.

Особенно бедра.

Пелл часто с трудом мог заставить себя отвести глаза, приказывая смотреть лишь на шелковый шейный платок Шарлотты, в ту точку, где находилась круглая турмалиновая брошь, под цвет глаз сойки. Фарфоровая кукла в кружевах частенько ему снилась, но он знал свое место и, в отличие от Клота, не собирался к ней подходить, не говоря уже о том, чтобы трогать.

— За мной. — Голос у нее был хриплый, и Пятнистый подумал, что он совершенно не подходит для подобной оболочки. Это все равно что обнаружить старую ржавчину на прекрасном клинке.

— Можно узнать, что мы должны сделать? — поинтересовался он, не двигаясь с места, и вновь прозвучало, уже гораздо злее:

— За мной.

Конечно, они послушались. Кто хочет спорить с сойкой? Но Клот недоволен и достаточно громко заворчал. А потом, не выдержав, спросил, когда они прошли несколько темных улиц, разминувшись с патрулем стражи, которая их «не заметила».

— Мы чего? Правда полезем в дом Гвинта? Слушай, Шарлотта, это не очень хорошо.

Та посмотрела на них через плечо, не сбавляя шага.

— Ты, мой дружок, — собака. А хорошая собака выполняет приказы, а не твякает зазря. Намек понятен?

Прежде чем Клот ответил, Пятнистый негромко произнес:

— Мы делаем то, что прикажет Борг. Но не сможем ничем помочь тебе, если не поймем, чего хозяин от нас ждет.

— Он ждет от вас, чтобы вы слушались меня. А теперь заткнитесь, пока мы не придем.

Минут пятнадцать они кружили в лабиринте проулков, старательно избегая освещенных участков, словно хоть кто-то мог бы их остановить. Когда дорога начала подниматься от моря, забираться вверх, на маленькую гору, застроенную, точно муравейник, древними особняками, скрытыми в садах, Шарлотта сказала:

— Пятнистый. Ты вроде поумнее в вашей паре. Давай вместе подумаем, что мы знаем о доме Гвинта?

— Что он проклят и любой, кто войдет туда, приобретет несчастье на свою задницу.

— Превосходно. — В ее голосе прозвучала насмешка. — Теперь пораскинь мозгами, с чего проповедники Вэйрэна там обосновались?

— Говорят, Вэйрэн обладает силой. Его проповедница, Руквичка, выжила, когда её проткнули болтом. И убила шауттов. Много шауттов. Почему бы асторэ не дать своим последователям толику силы? Она ведь может защитить от проклятья?

— Вполне неплохо для каторжника, — благосклонно кивнула сойка. — Что-нибудь еще?

— К тому же несчастье на свою задницу они приобрели. Ведь мы... ты идешь туда не просто для того, чтобы пожелать им чудесных дней в Пубире.

Внезапно она оказалась рядом с ним, так, что Пеллу пришлось резко остановиться, чтобы не врезаться в сойку. Шарлотта взяла его за подбородок, и он ощутил, как холодны пальцы, потянула вниз, заставляя смотреть в глаза.

— Удивительно. Ты еще и шутить умеешь. — Смешок ему совсем не понравился, и он мысленно выругал себя, что не сдержал язык за зубами, привлекая к себе лишнее внимание той, кого не стоило.

— А может, они вообще не знали, что дом Гвинта проклят? — предположил Клот, и Пелл с облегчением вздохнул, когда она отпустила его.

— Правда в том, мои дорогие собачки, что никакого проклятья не существует.

Ее заявление заставило бандитов переглянуться.

— Ну. Это. Так чего? Ложь, что ли? Враки? — потрясенно спросил Клот, и на его лице читалась совершенно детская обида.

— Ах, какая прозорливость. — Ее босые ноги двигались абсолютно бесшумно, она все дальше и дальше увлекала напарников в гору, мимо высоких кованых заборов со спящими сливовыми садами, старыми и умирающими, словно бы появившимися из прошлой эпохи. — Это дом Ночного Клана. Иногда в нем кто-то жил. В последние годы — Лавиани. Помните такую?

Разумеется, они помнили.

— А проклятье? — Пелл не позволил сбить себя с толку.

— Этой легенде несколько веков. Быть может, оно и существовало во времена Катаклизма, да давно выветрилось.

— Ты все это говоришь, чтобы мы вошли внутрь? — Клот хмыкнул. — А сама-то небось останешься.

— Экий подозрительный песик, — рассмеялась сойка. — Я это говорю, чтобы твой хвостик не дрожал и ты не испугался первой же тени или стука зубов своего приятеля. Не желаю, чтобы ты засадил ему в живот болт из страха.

— Так что? Мы вместе идем туда?

— Конечно. Борг желает знать, кто поселился там без его разрешения.

Клот внезапно хлопнул себя по лбу.

— А если Лавиани вернулась?!

Теперь уже Шарлотта остановилась и на мгновение прикусила губу, размышляя. Было видно, что о таком варианте она не думала.

— Сомневаюсь, что она вернется. Шрев, Клеро, Квинт и Сегу загнали ее на край мира.

— От них нет вестей, — напомнил Пятнистый. — И уже давно.

— Что же? Ты хочешь сказать, она одна справилась с четверыми? Лавиани та еще крыса, но она не всеильна. И ей незачем возвращаться назад, незачем якшаться с Вэйрэнном.

Пелл хотел было сказать, что у беловолосой сойки есть весомая причина вновь оказаться в Пубире, он с этой причиной встречался не далее как несколько часов назад. Борг все еще жив, а Пятнистый помнил, что обычно Лавиани доводила дела до конца, за что ее и боятся. Но сказал нейтрально:

— Может, и так.

— Так. За домом наблюдают уже несколько часов. Там мужчины, огонь они разумно не зажигают и сидят тихо. Борг хочет, чтобы мы доставили их ему живыми.

— Ну коли сопротивляться не будут, — улыбнулся Клот.

— Живыми! — От хорошего настроения Шарлотты ничего не осталось. — Ваша задача не дать им убежать. Стреляйте по ногам, если их там много, а я буду занята.

Пелл подумал, что приказать стрелять это, конечно, здорово, но вот попасть во мрак, да еще и в ногу, да так, чтобы не дай Шестеро не перебить артерию... Довольно сложная задача.

— Мы не лучшие стрелки. Мы больше по другим делам. Запугать или там прикончить.

— А этих надо взять живыми и, когда они начнут разбегаться, точно крысы, как случилось с другими, остановить. Ловите их как хотите, хоть сетью, хоть молитвами, но никто не должен удрать, иначе Борг будет зол. И зол не на меня.

Дома разошлись, и перед ними оказался обрушенный временем забор, который никто и не думал восстанавливать. К границам жилья Гвинта, находящегося на самой вершине холма, старались не подходить.

Шарлотта же перешагнула через раскрошившиеся камни и вошла в темный, заросший сад, мягко ступая босыми ногами, не боясь ни змей, ни острых веток, ни колючек. Почти сразу же рядом застрекотала цикада, смолкла, заставив сойку остановиться.

Кусты зашуршали, и Пелл наполовину вытащил меч из ножен, но та показала ему раскрытую ладонь, прося не торопиться с действиями.

Невысокий человек в темной одежде появился рядом с женщиной, сказав тихо:

— Они в доме. Двое или трое. Сидят с середины дня, между собой не разговаривают, огонь не зажигают.

— Не зажигают, значит. Ну и мы не будем, — нехорошо усмехнулась Шарлотта. — Вы наблюдаете за другим выходом?

— Да.

— Не дайте им убежать. Если я не позову, внутрь не входить.

Человек кивнул, скрылся во мраке.

Они прошли через весь сад. Густой, совершенно дикий и немного жутковатый из-за искореженных стволов. В таких местах стоило бы прятаться шауттам, которые, говорят, снова ходят среди людей.

Облака закрыли луну, идти во мраке приходилось осторожно, но Клот все равно споткнулся и обязательно бы грохнулся, не поддержи его Пелл.

— Плохой расклад, — честно сказал Пятнистый. — Ты видишь в темноте, а мы нет. Помощники из нас никудышные. Давай дождемся утра.

Сойка подумала несколько мгновений:

— Арбалеты оставьте. Их не больше трех, я справлюсь сама, просто держитесь позади. И не проткните меня своими железками!

Они расстегнули ремни, сняли висевшие за спинами тяжелые арбалеты, оставили сумки с болтами и обнажили мечи.

Трехэтажный особняк из темного камня, казалось, сам приполз к ним. Вылез из зарослей уродливым калекой, заставив даже страшные деревья расступиться, тихим скрипом распахнутых ставней приветствуя незваных гостей. За ним плохо следили и выглядел он неважно — весь в трещинах, накренившийся и с «язвами» по стенам, точно прокаженный.

Когда-то он бы великолепен, и великому волшебнику можно было не стыдиться здесь бывать, но все это теперь в далеком прошлом. Ночной Клан латал свое «наследие», но делал это из рук вон плохо, чтобы только не развалилось.

Несмотря на слова сойки, что проклятья не существует, Пятнистый осознал, что ладонь на рукояти меча вспотела. Не так-то просто справиться со страхом и поверить Шарлотте. Он допускал мысль, что она солгала, лишь бы они пошли вместе с ней.

Дверь была заперта, и сойка, показав им жестом остаться, скрылась за углом. Клот сплюнул:

— Дурное место.

Пятнистый ничего не сказал. Во-первых, был согласен. Во-вторых, не хотел, издавать хоть какие-то звуки. Мало ли... кто или что их услышит.

За дверью раздался шорох, и они не сговариваясь отпрянули в разные стороны, прижались к стене, но это оказалась сойка.

— Жди здесь, — тихо прошептала она Клоту. — Ты. За мной.

Пелл, кляня удачу, шагнул в темный зев коридора и резко схватил ее за плечо.

— Дай мне время, женщина! — Он старался говорить едва слышно. — Я даже рук своих не вижу.

Она зло скрипнула зубами, досадуя на эту помеху, но дождалась, когда его глаза привыкнут к мраку, все это время слушая, что происходит в доме. Однако те, кто сейчас находились в нем, затаились, словно мыши, в нору которых пробралась очень опасная куница.

Наконец перед Пеллом проступили очертания холла и стены справа. Он легко стукнул сойку по плечу, говоря тем самым, что они могут идти. Холл, коридор, несколько больших комнат, совершенно пустых, лестница, кладовки, кухня.

Пусто. Везде пусто. Никаких следов пребывания людей. Никакой мебели. Никаких вещей. Не было ни свечей, ни дров. Пятнистый готов был положить голову на плаху, что печь не топили уже очень давно и никто не разжигал очагов и каминов не только сегодня, хотя в Пубире и наступила зима, пускай она и была всегда довольно теплой для этой части материка.

Наверху, прямо над ними, что-то упало, заставив незваных гостей остановиться, но звук больше не повторился. Сойка направилась к лестнице, и Пелл, потев и подозревая неприятности, нехотя поплелся за ней.

Хоть бы пронесло. Если здесь чудовище, то пусть оно схватит эту дурную бабу, утащит на ту сторону, лишь бы его не метило.

Наверху пахло сыростью и старым, гниющим деревом, а еще капала вода. Непонятно откуда, но это «кап-кап-кап» выводило из себя и... пугало. Пятнистый подумал, что он за пять лет столько не боялся, как за десяток минут, проведенных в доме, имевшем самую дурную славу в Пубире.

Он не увидел, но почувствовал движение за спиной, так, что по коже пробежал холодок от легкого ветра. Шарлотта среагировала мгновенно: ловко проскользнула мимо бандита и прежде, чем он успел опомниться, бесшумно скрылась в поперечном коридоре, оставив Пелла наедине с тьмой.

— Проклятье! — не сдержавшись, произнес он, мучительно размышляя, что делать дальше.

Ему совершенно не улыбалось бродить во мраке в одиночестве. Без сойки он ощутил себя маленьким слепым зверьком, который, куда бы ни пошел, в любом случае забредет в разверзнутую зубастую пасть притаившегося чудовища.

Пелл много времени провел на улицах и знал, как выжить. Поэтому послал все к шауттам, решив выбираться. В сад, к Клоту. А если у него потом спросят, почему он не последовал за сойкой, он что-нибудь наплетет.

Услышал шорох, пошел проверить. Погнался за другим и... оказался в саду. С кем не бывает? Только подальше от этой жуткой хибары, в которой могла жить только психованная Лавиани.

Вниз! Но сперва убрать меч. Эта проклятая железка хороша во время рубки на свободном пространстве, но здесь любой неловкий взмах — и она скорее врежется в стенку, чем в чужую плоть. Тут куда лучше подойдет кое-что другое.

Он потянулся за спину, туда, где на поясе висел отличный, чуть широковатый соланкский нож, но его пальцы хватанули лишь пустоту. В ножнах ничего.

Абсолютно ничего.

За несколько мгновений Пятнистый перебрал в голове несколько вариантов, и ни один ему не понравился. Нет. Он не мог выронить оружие. А значит...

Что-то холодное, словно льдинка, острое, как осиное жало, слабо, но решительно кольнуло его прямо под затылком, и Пелл замер, осторожно отодвинув руку от меча. Тот, кто стоял за спиной, ничего не говорил и не собирался убивать сразу, иначе бы уже сделал это. Всего-то надо надавить сильнее — и нож войдет прямо под основание черепа. Даже не успеешь осознать, что мертв.

Его толкнули в плечо, направляя туда, где совсем недавно скрылась Шарлотта. Пятнистому показалось, что от незнакомца пахнет слабым тлением, застарелой мертвечиной... так слабо, что сперва и не поймешь, отчего так мерзко.

Громила шел, стараясь не торопиться и не давать повода прикончить себя, и холодное маленькое жало ни на мгновение не ослабляло давления. Сторонники Вэйрэна не безобидные овечки.

Пока прошли коридор, рубашка и жилет Пелла насквозь пропитались потом. Комната, в которой они очутились, казалась бесконечной, он не видел стен и решил, что это зал. Такой же пустой и заброшенный, как и все остальные помещения.

— Лучше тебе его отпустить, — раздался из темноты негромкий голос Шарлотты, в котором явственно слышалась угроза.

— Он так ценен? — Тот, кто удерживал жизнь Пятнистого на кончике ножа, сказал первые слова, и его голос сильно удивил бывшего каторжника.

Станный. Тонкий. Высокий. Почти женственный.

— Сегу? — недоверчиво спросила сойка.

— Ну... почти, — рассмеялся тот, но нож от затылка Пелла не убрал.

— Какого шаутта?! Где тебя носило все эти месяцы?! Где Клеро с этим жирным скользким ублюдком? Где Шрев?!

— Гораздо ближе, чем тебе кажется, — раздался новый голос из мрака.

— Вы. Оба. Что изображено у меня на спине?! — внезапно спросила Шарлотта.

— Легкий вопрос, — ответил Шрев. — Лисьи хвосты.

Сегу негромко рассмеялся за спиной Пелла, и острое жало осы наконец-то перестало касаться его шеи.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Эпохи

- Первая эпоха — Эпоха Безвременья
- Вторая эпоха — Эпоха Рождения
- Третья эпоха — Эпоха Света
- Четвертая эпоха — Эпоха Процветания
- Пятая эпоха — Эпоха Забвения

Названия месяцев

- Месяц Ворона — первый месяц зимы.
- Месяц Мантикоры — второй месяц зимы.
- Месяц Снегиря — третий месяц зимы.
- Месяц Креста — первый месяц весны.
- Месяц Единорога — второй месяц весны.
- Месяц Соловья — третий месяц весны.
- Месяц Щита — первый месяц лета.
- Месяц Тени — второй месяц лета.
- Месяц Дракона — третий месяц лета.
- Месяц Журавля — первый месяц осени.
- Месяц Меча — второй месяц осени.
- Месяц Василиска — третий месяц осени.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава первая.</i> Лисий хвост и...	5
<i>Глава вторая.</i> ...Птичьи перья	25
<i>Глава третья.</i> Пес	49
<i>Глава четвертая.</i> Следы богини	84
<i>Глава пятая.</i> Все, что на дне	105
<i>Глава шестая.</i> Менестрель	150
<i>Глава седьмая.</i> Уцелевший	179
<i>Глава восьмая.</i> Бродяга	202
<i>Глава девятая.</i> Город Шепотов	227
<i>Глава десятая.</i> Четвертая	261
<i>Глава одиннадцатая.</i> Гроза	283
<i>Глава двенадцатая.</i> Ткущая мрак	300
Приложение	
Эпохи	345
Названия месяцев	345